

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-3-461-481

EDN: XSARWQ

Научная статья

Пословицы библейского происхождения: от единого источника к языковому многообразию

В.М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург, Российская
Федерация*

✉ mokienko40@mail.ru

Аннотация. Проанализированы русские пословицы библейского происхождения в их многообразных семантических и структурных связях со своим первоисточником. Актуальность исследования определена недостаточным вниманием к изучению наследия Библии как динамически развивающейся части общей языковой системы, в т.ч. и системы паремиологической. Цель исследования — выявить и дифференцировать в современном русском литературном языке структурно-семантическую динамику паремиологических единиц, которые восходят к библейским текстам. Материалом для исследования послужили словари: библеизмов, паремиологические, а также Национальный корпус русского языка (подкорпусы: основной, газетный, поэтический, русская классика). Использованы методы структурно-семантического моделирования, контекстного, историко-этимологического, лингвокультурологического анализа. На конкретных примерах рассмотрено функционирование следующих паремиологических разрядов: 1) паремиологические тождества; 2) пословицы, претерпевшие по сравнению с первоисточником семантическое преобразование; 3) пословицы, претерпевшие по сравнению с первоисточником структурно-семантическое преобразование; 4) народные пословицы, образованные на основе библейской мудрости; 5) пословицы, утратившие связь с библейским первоисточником и переосмысленные; 6) индивидуально-авторские преобразования пословиц библейского происхождения. Результаты исследования представляют градуальность таких изменений. Основу ее составляют паремиологические тождества, т.е. точно воспроизведенные сентенции Священного Писания. Следующий этап языковой адаптации пословиц-библеизмов — их структурно-семантическое преобразование по сравнению с первоисточником, которое не нарушает ни исходного сакрального смысла библеизмов, ни их обобщенного языкового колорита. Дальнейший процесс усвоения таких паремий приводит к созданию русских народных пословиц на основе библейской мудрости и символики. Некоторые пословицы-библеизмы в силу разных причин (особенно — идеологических) могут утрачивать связь с первоисточником и претерпевать переосмысление разных уровней — вплоть до кардинального идеологического переосмысления. Вершиной же языковой адаптации пословиц библейского происхождения можно считать творческие индивидуально-авторские преобразования, становящиеся национальным достоянием и объектом непереводимого в переводе.

© Мокиенко В.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Библия, библеизмы, русский язык, паремиология, семантика, структура, трансформация

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00252, <https://rscf.ru/project/23-18-00252/>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16.02.2025; принята к печати 18.04.2025.

Для цитирования: Мокиенко В.М. Пословицы библейского происхождения: от единого источника к языковому многообразию // Русистика. 2025. Т. 23. № 3. С. 461–481. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-3-461-481>

Введение

Влияние Библии на языки и культуры многих народов (не только христианских) хорошо известно и давно уже получило точную оценку и лингвокультурологическую интерпретацию. Даже семидесятилетие так называемого «воинствующего атеизма» советской эпохи с официальными и неофициальными запретами на религию кардинально не снизило это влияние на русский язык благодаря всеобщей грамотности, чтению и переизданию классиков и неизгладимой языковой памяти. Впрочем, и классики марксизма-ленинизма, широко употреблявшие крылатые выражения из Библии, и советская печать, на титульной странице которой постоянно красовался библеизм «На злобу дня», имплицитно способствовали неизгладимости таких слов и оборотов. Иное дело — Перестройка и все последующие социальные и культурные преобразования в нашем обществе, резко поднявшие интерес к исследованию библейской крылатики. За последнее 30-летие языковое и лингвокультурологическое наследие Библии получило многоаспектное освещение, о чем свидетельствует обширнейшая библиография этой проблематики (Иванов, Маслова, Мокиенко, 2022: 366–405).

Знаковым стал и лексикографический прирост описания крылатых слов и выражений из Библии. Так, если в классическом «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова, насчитывающем свыше 4000 фразеологизмов, было зафиксировано всего 115 библеизмов, а их количество в специальном словаре Н. Николаюка (Николаюк, 1998) «Библейское слово в нашей речи» — около 300, то в нашем словаре (Лилич, Мокиенко, Трофимкина, 2010) — около 2000, примерно то же их количество в энциклопедическом словаре К.Н. Дубровиной (Дубровина, 2010), в словник которого не вошли крылатые лексемы типа *Адам, Иуда, Каин*. Тем самым современное словарное описание библейской крылатики позволило более чем в два раза превысить «максимальное количество русских библеизмов» в 800 единиц, в свое время определенное В.В. Колесовым (Колесов, 1995: 24).

Понятно, что уже сам сакральный источник служит своеобразным маркером книжности, а библейские образы нередко сами апеллируют к соответствующей символике и сюжетам. Тем не менее анализ большого массива употреблений библеизмов в русских художественных и публицистических

текстах показывает, что в принципе функционирование их подчиняется тем же стилистическим законам, что и лексики и фразеологии иного происхождения. К такому же выводу приводит и словарное описание библеизмов в общем массиве русских крылатых слов (Берков, Мокиенко, Шулежкова, 2008, 2009) или фразеологизмов в индивидуально-авторском употреблении (Мелерович, Мокиенко, 2005). Даже специализированные словари библеизмов (Лилич, Мокиенко, Трофимкина, 2010; Дубровина, 2010; Шулежкова, 2013 и др.) объективно отражают факт, что такие единицы органично вошли в кровь и плоть нашего литературного языка и живой речи. Степень интенсивности забвения внутренней формы (и даже самого источника) библеизмов или, наоборот, их постоянной актуализации во многом зависит от яркости и прозрачности образа, заложенного в том или ином из них. Чем эксплицитнее, развернутее такой образ, тем больше у него шанс на актуализацию и многомерность употребления в тексте.

На специфику употребления библеизмов влияют не только их образность и семантика, но и структура. К.Н. Дубровина распределяет описываемые в ее словаре библеизмы на две следующие группы.

«1. Непредикативные обороты, соотносимые со словосочетаниями, т.е. собственно фразеологизмы: *башина из слоновой кости, благуя часть избрать, блудный сын, вавилонское столпотворение, козел отпущения, питаться манной небесной, стереть с лица земли* и т.п.

2. Предикативные обороты, т.е. предложения, которые в пословично-афористической форме выражают всевозможные наставления, советы, нравоучения, предостережения, запреты, предписания, увещевания, пожелания: *«Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых; Не сотвори себе кумира; Врачу! Исцелися сам!; Взявшие меч — от меча и погибнут* и т.п.» (Дубровина, 2010: 549)

Вторая группа, как легко увидеть, — это именно пословицы, в которых «как в малой капле вод» концентрируется мудрость Книги книг. К этой мудрости постоянно обращаются как читатели Библии, так и писатели, поэты и публицисты, постоянно употребляющие такие пословицы в своих произведениях. Значение этого паремиологического наследия ярко определил за год до своей кончины А.С. Пушкин: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено к всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не включает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие»¹.

¹ Пушкин А.С. Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико // Полное собрание сочинений : в 16 томах. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949. С. 99–100.

Что же стало «пословицею народов» в русском литературном языке? Все ли такие пословицы сохранили свою актуальность, все ли они остались неизменными по форме и содержанию, все ли они понятны без специального исторического и теологического комментария?

Пожалуй, точное количество пословиц, сопричастных библейскому тексту, определить невозможно. Такая попытка была сделана в старом собрании И.М. Сирота (Сирот, 1897), который насчитал 1475 «пословиц». Но, во-первых, это — паремии и изречения самого разного типа, во-вторых, — афористика, которая не воспроизводится в литературных текстах и потому не может быть именована «пословицею народов». По нашим подсчетам (учитывающим названные выше источники), в русском языке их не более трехсот. Но зато практически все они либо востребованы, либо были востребованы в нашем языке и во много стали генератором его креативной паремиологической энергетики.

Вот некоторые из них, получившие системную лексикографическую характеристику в приведенных выше источниках: *Бог (Господь) и взял; Вера без дела мертва [есть]; Всякая власть от Бога; Могуций (Могий) вместить да вместит; Если правый глаз соблазняет тебя, то вырви его; Горе одному* и др.

Вместе с тем многие сентенции библейского происхождения в процессе своей адаптации в языковой системе претерпели разнообразные структурные и семантические видоизменения, в результате чего их связь с библейским первоисточником приобрела градуальный характер.

Цель исследования — выявить и дифференцировать в современном русском литературном языке структурно-семантическую динамику паремиологических единиц, которые восходят к библейским текстам.

Методы и материалы

Материалом для исследования послужили словари библеизмов, паремиологические словари и Национальный корпус русского языка (подкорпусы: основной, газетный, поэтический, русская классика)².

В исследовании применены методы структурно-семантического моделирования, контекстного анализа, историко-этимологического и лингвокультурологического анализа.

Результаты

Единый сакральный источник этого паремиологического наследия ад hoc как будто предполагает сохранность сентенций Священного Писания в языковом времени и пространстве. Однако наблюдение за динамикой паремий в русском языке опровергает это предположение. Пословиц, полностью сохраняющих дух и букву источника, т.е. тождественных ему в языковом упо-

² Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

треблении, достаточно много — особенно, если не брать в расчет небольшие семантические и стилистические нюансы. Тем не менее, вживаясь и адаптируясь к постоянно изменяющейся языковой системе, и библейские пословицы подвергаются изменениям.

В общем виде градуальность таких изменений можно представить таким образом: 1) паремиологические тождества; 2) пословицы, претерпевшие по сравнению с первоисточником семантическое преобразование; 3) пословицы, претерпевшие по сравнению с первоисточником структурно-семантическое преобразование; 4) народные пословицы, образованные на основе библейской мудрости; 5) пословицы, утратившие связь с библейским первоисточником и переосмысленные; 6) индивидуально-авторские преобразования пословиц библейского происхождения.

Обсуждение

Рассмотрим характеристику и функционирование представленных паремиологических разрядов на конкретных примерах.

Паремиологические тождества

К ним можно отнести пословицы, сохранившие в речи и литературно-публицистических контекстах структуру и семантику библейского источника: *Бездна бездну призывает; И бесы веруют [и трепещут]*; «*Возлюби ближнего как самого себя; Возлюби (люби) врагов своих; Бог (Господь) дал, Бог (Господь) и взял* и т.п.

Понятно, что особенно близки к сохранности формы и содержания пословицы такие библейские афоризмы, которые сохраняют отпечаток старославянского текста. Типичны в этом отношении паремии *Могущий (могий) вместить да вместить* и *Всякое даяние благо [и всяк дар совершен]*.

Первая цитата из Библии — призыв сделать все, что позволяют силы, возможности: «Но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует. Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться. Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано; <...> *кто может вместить, да вместит*» (Мф 19, 9–12) (в цсл.³ тексте: «могѣи вмѣстити да вмѣститъ»).

Контексты употреблений этой пословицы тождественны источнику — даже в случае, когда она употребляется (как, например, в тексте В. Дудинцева) шутивно:

«Я на такую евангельскую жизнь не способен <...> Да, ведь, сказано: «*могущий да вместит*», — ну, а я не могу, а потому не вмещаю. Мне нужны люди, свет, блеск, деятельность <...>» (А. Соколов. Тайна)⁴.

³ Сокр. от церковнославянский.

⁴ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

«<...> Он говорит: „Пейте, пейте чай“. Я возражаю: „Я пью уже второй стакан!“ Он отвечает: „Пейте еще. Умейте понимать слова“». И еще <...>: *Могий вместити да вместит* (В. Дудинцев. Белые одежды)⁵.

Второе крылатое выражение из церковнославянского текста Нового Завета также сохраняет тождественность с первоисточником даже в шутовском употреблении. При этом остаются неизменными не только его форма, но и основной смысл — ‘следует быть благодарным за любые, пусть скромные, дары и милости’, заложенные в Евангелии: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше» (Иак 1, 17) (в цсл. тексте: «Всѣ́ко даѣ́нїе блѣ́го и всѣ́къ дѣ́ръ соверше́нь свѣ́ше ѣ́сть»).

«Кушайте, *всякий нам дар совершен и даяние благо*; // Кушайте, светы мои, на здоровье, Господь вас помилуй!» (В. Жуковский. Овсяный кисель)⁶;

«<...> Мигом сняла [Лизавета Николаевна] свои бриллиантовые серьги и положила на блюдо. — Можно, можно? На украшение ризы? — вся в волнении спросила она монаха. — Позволительно, — отвечал тот, — *всякое даяние благо*» (Ф. Достоевский. Бесы)⁷;

«А мне всего был дан родителем // Один тулуп, // И с ним совет — чтобы с просителем // Я не был глуп, // Что «*благо всякое даяние*», // Да «спину гни», // Вот было наше воспитание // В былые дни» (В. Курочкин. Старичок в отставке)⁸;

«Кодекс его административной деятельности состоял из единственного правила: *всякое даяние благо, и всяк дар совершен*» (И. Макаров. Воспоминания)⁹.

Как видим, «тождественность» таких пословиц-сентенций первоисточника не абсолютна. Более того, приведенные паремии в современном русском языке имеют и разную частотность употребления, и разную стилистику, и разный «эффект узнавания». Эти различия относительно легко опознаются при обращении к контекстам употребления соответствующих пословиц как в произведениях классиков, так и в современной публицистике. Материал Национального корпуса русского языка (НКРЯ) дает для такой диагностики весьма убедительные аргументы. Впрочем, и выше названные большие словари русских библеизмов и крылатых слов также позволяют дифференцировать приведенные в разряде тождественных пословиц паремии.

Так, по частотности здесь заметно выделяются пословицы типа *Око за око, зуб за зуб; Что посеешь, то [и] пожнешь; Нет (нест) пророка в своем отечестве*.

Первая формула возмездия из Моисеева Закона, регламентировавшего повседневную жизнь израильтян в ветхозаветную эпоху в русском языке при-

⁵ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

обрела давно большую популярность, широко употреблялась классиками и употребляется современными писателями и публицистами — А.Н. Островский, Д. Мамин-Сибиряк, Л. Чарская, А.И. Куприн, К. Случевский, М. Горький, В.Ф. Тендряков, Б.А. Лавренев, В.П. Астафьев, В. Ерофеев, Р. Коваленко, В.Е. Максимов, А. Ваксберг и мн.др. Контексты свидетельствуют о том, что несмотря на различие творческой манеры, авторы выдерживают структурно-семантическое тождество сакральной формулы. Даже когда писатель целенаправленно стремится креативизировать эту формулу, сдвига ее семантики и структуры в принципе не происходит уже потому, что сакральная реминисценция так или иначе возвращает его к исходу. Ср.: «Нет, *око за око, зуб за зуб, сыр за сыр* — т.е. древний, но вновь подхваченный ветхозаветный подход к справедливости правит цитаделью добра и прогресса. От Сизтла до Майами не судится только ленивый; ценность оспариваемого не имеет значения...» (Т. Толстая. Засужу, замучаю, как Пол Пот — Кампучию)¹⁰.

В Новом Завете поговорка *Что посеешь, то [и] пожнешь* употреблена в форме *Что посеет человек, то и пожнет*: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. *Что посеет человек, то и пожнет*; Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал 6, 7–8). Тем не менее, традиционная для русской паремииологии безличная форма глагола стала наиболее частотной:

«Ты пренебрег моими советами и с упорством продолжал держаться своих ложных взглядов; мало того, в свои заблуждения вовлек также сестру <...> Теперь вам обоим приходится нехорошо. Что ж? *Что посеешь, то и пожнешь!*» (А. Чехов. Моя жизнь)¹¹.

«Вы должны понять, что ваша игра проиграна, — холодно сказал Иван Васильевич <...> Вы же умный человек... Знаете поговорку: „*Что посеешь, то и пожнешь*“. Сейчас пришла пора собирать урожай» (Г. Матвеев. Тарантул)¹².

«Время шло, упустили зиму, приступили наконец уже к севу. А вы лучше меня знаете: *что посеешь, то и пожнешь*. Если колхоз провалит сев, весь хозяйственный год загублен» (В. Овечкин. Трудная весна)¹³.

Характерно при этом, что в языке классиков она еще сохраняет полную грамматическую тождественность: «Что вижу, кум, ты всем в деревне насолил... // Ты сам себя вини: // *Что ты посеял, то и жни*» (И.А. Крылов. Волк и кот).

Как и в случае с «ветхозаветной» паремией «*Око за око...*», и здесь можно найти попытки у отдельных авторов несколько креативизировать эту поговорку. Но при этом она не теряет своей тождественности с сакральной сентенцией:

¹⁰ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

«Что же вы молчите, товарищи? — А чего разговаривать по-пустому? Ведь чужой дядя за нас не посеет? — Верные слова. Как-нибудь осилим, — зазвучали в ответ не очень уверенные голоса. — „Как-нибудь“ — слова копеечные. „Что посеешь, то и пожнешь“ — хорошая поговорка, но и ее можно дополнить: „А хорошо посеешь — больше возьмешь!“» (Ю.Г. Лаптев. Заря)¹⁴.

Примером паремиологического тождества является и пословица *Нет (нест) пророка в своем отечестве*. Известно, что эти слова Иисуса Христа приводятся в Евангелиях в разных формах: «*Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем*» (Мк 6, 4); «*Никакой пророк не принимается в своем отечестве*» (Лк 4, 24); «*Пророк не имеет чести в своем отечестве*» (Ин 4, 44).

При этом в литературном языке эта пословица закрепились в форме *Нет пророка в своем отечестве*, которую, как кажется, и следует считать тождественной сакральному источнику, ибо она стала неким языковым *tertium comparationis* известных евангельских вариантов:

«Видно, справедливо изречение: „нет пророка в отечестве своем“» (Л. Толстой. Юность)¹⁵.

«Что ж, вот вам печальный пример равнодушного отношения „пользователей“, местного населения, местных властей к памятникам, расположенным, так сказать, у себя дома. Поистине „нет пророка в своем отечестве“» (Д. Лихачев. Прошлое – будущему)¹⁶.

«Много написано Вл. Крупиным <...> Его книги заставляют вспомнить об исключении к старой истине, будто *нет пророка в своем отечестве*» (В. Распутин. От Родины – Родине)¹⁷.

«Мы многое из книжек узнаем, // А истины передают изустно: / *Пророков нет в отечестве своем*. // Да и в других отечествах не густо...» (В. Высоцкий. Я из дела ушел)¹⁸.

Как видим, тождественность паремии соотносимому с нею сакральному источнику не означает абсолютной «ригидности», неизменности результата его паремиологизации.

Пословицы, претерпевшие по сравнению с первоисточником семантическое преобразование

Расширение семантики в таком случае не приводит, разумеется, к резкому, а тем более полному отрыву от исходной сакральной семантики библеизма. Тем не менее, смысловой сдвиг позволяет считать подобные пословицы в некотором смысле «десакрализованными», обретшими некий «гражданский» статус. К таким пословицам можно отнести *Много званых, да мало избранных*; *Что делаешь, делай скорее*; *Не сотвори себе кумира*; *Пусть Мертвые хоронят своих мертвецов*; *Один Бог Без греха* и т.п.

¹⁴ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Фраза *Много званых, но мало избранных* в Евангельской притче близка к прямому значению: речь идет о приглашении на пир нищих и увечных вместо званых, но не явившихся гостей: «Один человек сделал большой ужин и звал многих; И когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: идите, ибо уже все готово. И начали все, как бы сговорившись, извиняться. <...> Тогда разгневавшись хозяин дома сказал рабу своему: пойди скорее по улицам и переулкам города, и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых. <...> Ибо сказываю вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина: ибо *много званых, но мало избранных*» (Лк 14, 16–24).

В литературном языке, где она стала пословицей, смысл ее — обобщенный: ‘Тех, кто претендует на что-л., гораздо больше, чем истинно достойных этого’:

«Широта доступа в высшие учебные заведения, по моему крайнему разумению, вполне необходима, потому что по отношению к основной цели высших учебных заведений вполне приложимо изречение „много званых, но мало избранных“ и более всего приложимо понятие о том, что между избранными будут лишь немногие, ответившие первичной цели учреждения высших учебных заведений, т.е. стремлению стран и народов иметь своих „Платонов и Невтонов“» (Д. Менделеев. Заветные мысли)¹⁹.

«<...> Жить по совести можно. Дайте человеку землю и свободу, а там посмотрим, ленив он, агрессивен? Чепуха! Давно сказано: последние станут первыми, а первые последними, ибо *много званых, а мало избранных*» (П. Кириченко. Фотография на память)²⁰.

«Да и живых классиков, чьи духовные искания не отвечают стандартам модельеров новой госидеологии, президент не звал. И вряд ли это можно объяснить желанием сэкономить на обеде, который был дан в Грановитой палате в честь отмеченных кремлевской благодатью мастеров культуры. Что ж, придется утешиться вечным: *много званых, да мало избранных*» (Правда, 22.11.1994)²¹.

Более того — в шутивно-ироническом стиле значение этой пословицы еще более расширяется: она может характеризовать и ‘большое количество людей, претендующих на определенные житейские блага, изначально ограниченные и предназначенные для меньшинства’:

«Самый халявный способ поступить — помощь „мохнатой лапы“: когда во главе избранной вами альма-матер стоят нужные люди (родственники, друзья родителей). Тут, наверное, надо лишь вовремя сделать заявочку — и можно расслабиться. Но, как говорится, — „много званых — мало избранных“: на каждого абитуриента знакомых ректоров — деканов — профессоров не напаешься» (И. Сергеев, Е. Добрюха. Намотай себе на вуз // Московский комсомолец, 27.09.2001)²².

¹⁹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

Пословицы, претерпевшие по сравнению с первоисточником структурно-семантическое преобразование

В этом случае отход от формы первоисточника нередко приводит к превращению законченной сентенции в ее часть. Пословица таким образом, в духе концепции А.А. Потебни (ср.: Мокиенко, 1989: 96–100), может превратиться в поговорку и далее — в слово с символическим значением.

Типичный случай — афоризм из Нового Завета: *«Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и оберегается то и другое»* (Мф 9, 17). Эта фраза Иисуса полностью объясняет ее буквальный, реальный смысл: «старые *мехи* (или) *меха* (кожаные мешки для хранения вина) неспособны сохранить молодое вино». Переносное значение этой фразы — ‘не следует вкладывать новое содержание в старые формы; невозможно создать что-л. новое, не порвав со старым’ прямо вытекает из этой аллегории.

В процессе ее освоения литературным языком начинается структурно-семантическое преобразование разного уровня. При сохранении структуры может измениться грамматическая форма глагола с некоторой конкретизацией семантики:

«Полагаю со своей стороны первой необходимостью „*вино новое не вливать в мехи старые*“ [То есть не соглашаюсь с теми, которые предлагали ради сокращения и упрощения выборного процесса первые выборы сделать в существующих земствах]» (Д. Менделеев. Заветные мысли)²³.

«Однако согласитесь и вы, что *новое вино нельзя лить в старые мехи*. В искусстве, как во всем, пролетариат должен сказать свое слово, и сказать его громко, мощно, зычно, как власть имущий, на весь мир!» (М. Алданов. Бегство)²⁴.

«Как хороши, как свежи грезы Третьякова! Но, увы. Проводник «гениального» плана подзабыл, что *молодое вино в старые меха налить непозволительно*» (Советская Россия, 22.08.1998)²⁵.

Следующий этап такого преобразования — превращение этой пословицы в поговорку со значением ‘вкладывать новое содержание в старые формы’. При этом грамматическая форма глагола и его окружение тоже может изменяться:

«У многих наблюдателей возникают серьезные подозрения по поводу того, не является ли все происходящее просто циничной попыткой, как говорится, *вливать старое вино в новые меха*» (Советская Россия, 16.05.2000)²⁶;

«Настоящая задача актера в новом театре почти неосуществима <...> Нужно самому быть новым человеком не на словах, а на деле. А где у нас такие исполнители? Их нет, их быть не может. И *вино новое вливается в старые мехи*» (А. Белый. Театр и современная драма)²⁷.

²³ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

А уже дальше креативная потенция создавшейся поговорки инициирует все новые и новые преобразования. При этом — какого бы широкого структурного диапазона они ни были, реминисценция исходного образа остается жизненной:

«В будущем году, если изволите, я возьму на себя всю медицинскую часть Вашего календаря, теперь же я только *волью новое вино в старые мехи* — больше сделать не сумею, ибо у меня нет пока ни плана, ни материала под руками» (А. Чехов. Письмо А.С. Суворину)²⁸;

«Дорогой мой Ильин — будет очень хорошо и вполне достойно Вас, если Вы зачеркнете этот сценарий „Разговор о погоде“. Он — удачен, но как попытка *влисть „новое вино в старые мехи“*» (М. Горький. Письмо Ильину)²⁹;

«Чем может поразить нас современный автор? Очевидно, только одним: если ему удастся в древние мехи искусства *вливать новое, молодое, свежее вино*» (Литературная газета, № 33, 1983)³⁰;

«Здоровое, реальное направление нашей русской литературы <...> показало нам нашу великорусскую жизнь налицо. Мы знаем, каковы наши *«ветхие мехи»*, затрепавшие при игре *влитого в них молодого вина* <...>» (Н. Лесков. Старинные психопаты)³¹;

«*Молодое вино в старых мехах*. Новые министры. Кто они?» (Правда, 26.12.1992)³²;

«Оно, наверное, смешно: // На склоне лет — стихи. // Но можно *новое вино* // *Вливать в старые мехи*. // Гляжу, задумавшись, в окно // Какая нынче стынь...// Не может сладким быть *вино*, // Коль наша жизнь — *попынь*» (Ю. Друнина. Оно, наверное, смешно...)³³.

Характерно структурно-семантическое преобразование знаковой библейской сентенции из Книги Екклесиаста «*Время разбрасывать камни, и время собирать камни*», ставшей популярной книжной пословицей со значением ‘в должный срок на смену разрушения придет созидание’. В Библии его метафорика детализируется: «Время разбрасывать камни, и время собирать камни; <...> Время раздирать, и время шивать; время молчать, и время говорить» (Ек 3, 5–7).

Во многих контекстах эта пословица «распадается» на две антонимичных поговорки — «*собирать камни*» и «*разбрасывать камни*» с соответствующей семантикой:

«Современные герои из экономистов, публицистов и артистов соревнуются, кто злее, изощреннее поиздевается над нашей жизнью, как недавно многие из них соперничали в прославлении режима. Думается, общество скоро поменяет кумиров. Кто ничего не предлагает, кто озабочен тем, как бы

²⁸ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

похлестче и по-хлестаковски крикнуть, чтобы в карьеристских целях обратить на себя внимание, тот будет отброшен. *Время собирать камни* (П. Бунин. Этот стон у нас рынком зовется... // Огонек, № 9, 1992)³⁴;

«Но коль скоро настало время *собирать разбросанные* штормами истории *камни*, не забудем о скромном опыте „комсомолки“ (Б. Панков. Воздух 6-го этажа) // Комсомольская правда, 05.05.1988)³⁵;

«Забота Времени, не наша, отсеять все мелочное, «наносное», расставить все на свои места, нам же пришла пора «*собирать камни*», пришла пора разобраться в своем прошлом» (П. Алешковский. По своему опыту...)³⁶;

«Еще недавно многим казалось, что настало «*время разбрасывать камни*» так велик был напор освежающей критики, просквозившей буквально все сферы нашей экономической, социальной, культурной, нравственной жизни. Напор этот не спадает и сейчас» (Литературная газета, 08.04.1987)³⁷;

«Державник Путин „*собирает камни*“, разбросанные его предшественниками Горбачевым и Ельциным, собирает их с помощью военных» (Л. Радзиховский. Сплошной «Курск» // Сегодня, 28.11.2000).

Некоторые пословицы этого типа могут развивать довольно мощный вариантный потенциал, сохраняя при этом структурно-семантическую адекватность первоисточнику. Типичный пример — библеизм *Не хлебом единым* (*Не о хлебе едином*) *жив (сыт) человек*, ставший ветхозаветным ответом Иисуса дьяволу: «И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: „*не хлебом одним будет жив человек*, но всяким словом, исходящим из уст Божиих“» (Втор 8, 3). (в цсл. тексте: «не ѡ хлѣбѣ ѣдинѣмъ живѣ будетъ человекъ»).

Многие писатели: М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, Ф. Достоевский, Ф. Сологуб, Д. Мережковский, Н. Лесков, В.В. Овечкин, Т. Калугина, С. Есин и др. — воспроизводят эту пословицу в неизменной форме.

Тем не менее ее популярность, обусловленная прозрачной образностью с глубоким назидательным смыслом, становится источником структурно-семантических преобразований. По структурной модели этой пословицы создается немало оригинальных вариантов. Вот несколько таких вариантов, уложенных нами в Прокрустово ложе «Большого словаря русских крылатых слов» (Берков, Мокиенко, Шулежкова, 2009: 84–85):

«Нет, *не единой нефтью живет республика*, — сказал в беседе с нами за терпким, ароматным чаем Муса Байрамов. — Я очень горжусь тем, что к первому советскому нефтепромыслу, который я открывал с друзьями, прибавилось много новых» (Правда, 29.05.1984);

«Герой Сов. Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР Сергей Николаевич Анохин считает, что не следует ударяться из одной крайности в другую. *Не только развлечениями жив человек*» (Известия, 16.11.1985);

³⁴ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

«Но, право же, *не медалями едиными живет* в эти знойные дни всемирный спортивный форум студентов» (Ленинградская правда, 03.09.1985);

«И я хочу, товарищи читатели, чтобы мы вместе порадовались: когда редакции удастся выпустить такой номер, веришь, что отнюдь *не столицей единой жива литература*, что в провинции, на периферии можно выпускать журнал и не хуже столичных» (Огонек, № 49, 1988);

«*Не прибылью единой...* Заметка под рубрикой ‘Утренний телефон’ о благотворительной деятельности предпринимателей города Магнитогорска» (Магнитогорский рабочий, 15.08.2003).

Народные пословицы, образованные на основе библейской мудрости

На создание пословиц библейский текст мог влиять и, так сказать, обобщенно — как некая языковая кристаллизация сакральной мудрости, усвоенной народом. Типичный случай — пословица, вошедшая в знаменитый сборник В.И. Даля в двух вариантах: «*Кто добро творит, того Бог благословит*» (ДП 1, 26)³⁸ и «*Кто добро творит, тому Бог оплатит*» (ДП 1, 26; Д 1, 443). В Священном Писании такой паремии нет. Но главную мысль, выраженную народной пословицей, можно найти в разных фрагментах его текста. Ведь уже само выражение *делать* (творить) добро в значении ‘совершать добрые дела, поступки’ неоднократно в нем встречается:

«Кто *делает добро*, тот от Бога; а делающий зло, не видел Бога» (3 Ин 11); «Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, *делая добро* и страдая, терпите, это угодно Богу» (1 Пет 2, 20).

В русской литературе обычно воспроизводится лишь библейское выражение, а не пословица, зафиксированная В.И. Далем, что также свидетельствует о народно-речевом статусе соответствующей пословицы:

«Так, истинная благодать // Без всякой мзды *добро творит*, // Кто добр, тому избытки в тягость, // Коль он их с ближним не делит» (И. Крылов. Лань и дервиш)³⁹;

«Старик честен, внимателен к мужику, не только наживает, но и *добро делает*, помогает и т.д.» (Г. Успенский. Очерки переходного времени)⁴⁰;

«Сердце у него доброе и любящее, но из всего видно, что *добро* он *будет делать* не столько по влечению сердца, сколько потому, что надо *делать добро*» (Н. Добролюбов. Когда же придет настоящий день?)⁴¹;

«Я умею любить и могу любить, но только любить, а не *творить добро*, не платить вам за ваши благодеяния» (Ф. Достоевский. Бедные люди)⁴².

Любопытно при этом, что в Толковом словаре В.И. Даля зафиксирована и пословица с противоположным (но тем не менее, не противоречащим

³⁸ В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдет в нашем «Большом словаре русских пословиц» (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010).

³⁹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.01.2025).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

библейскому) смыслом: «*Добро творя, не жди платы*» (Д 3, 122). Позднее поговорка *творить добро* породила и несколько других пословиц, также не известных в Священном Писании: «*Добро твори, сколько можешь, [от того] вовек не занеможеешь (не изнеможеешь)*» (Сн. 1848, 94; Тан. 1986, 50); «*Добро твори, сколько можешь, от того никогда не занеможеешь*» (Барс. 1770, 55; СлРЯ XVIII в. 8, 37); «*Добро творить — себя веселить*» (Твер. ТПП 1993, 33; Сергеева, 2016: 156).

Аналогичный случай — пословица *Добро сеять — добро и пожнешь* ‘Хорошие поступки, добрые дела вознаграждаются’ (Д 1, 443), известная и в варианте «*Добро сеять — добро и пожинать*» (Сок., 170).

Зафиксирована в собрании В.И. Даля и народная пословица «*Дай вам Бог пировать, а нам бы крохи подбирать*» (ДП 1, 68). Она, вероятно, является паремиологической реминисценцией известного эпизода из Библии, где рассказывается о нищем Лазаре, безуспешно выпрашивающем хотя бы крошек с господского стола: «Был некоторый нищий именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпях и желал напиться крошками, падающими со стола богача» (Лк 16, 20–21).

Этот образ встречается и в других фрагментах Библии: «А она [хананеянка] подошедши кланялась ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф 15, 25–27). На его основе и создана далевская пословица, выражающая щедрое пожелание гостям. Ср. популярную шутивную поговорку *крохи (крошки) с барского (господского) стола* ‘о жалкой подачке нуждающимся, мизерная в сравнении с богатством дающего’. В какой-то мере реминисценцией на библейскую тему является и народная пословица «*Бог велит последнюю крошку делить*» (Тан. 1986, 21).

Библейские представления разного типа отражены и во многих других народных пословицах. Так, шутивное *[И] рад бы в рай, да грехи не пускают* ‘И хотелось бы сделать что-л., да невозможно’ напоминает о грехопадении Адама и Евы. Близкое к библейскому представлению о рае отразилось и в другой шутивной пословице *С милым рай и в шалаше* ‘Любовь и личное счастье важнее материального благополучия и комфорта’. Хотя это изречение имеет литературное происхождение и стало популярным благодаря стихотворению и песне Н.М. Ибрагимова «Русская песнь» (1815), оно включается во многие паремиологические сборники русского языка (напр.: Раз. 1957, 114; Спир. 1985, 115; Тан. 1986, 140; Ан. 1988, 277). Это и понятно: ведь пословицы с компонентом *рай* весьма многочисленны — ср.: «*Богатому рай, а бедному ад*» (Ан. 1988, 24); «*В рай за волоса (за волосы) не тянут*» (Сн. 1848, 56; Д 1, 235; Спир. 1985, 57; Тан. 1986, 31; Ан. 1988, 38); «*Вольному вольно, спасенному рай, а дураку закон не писан*» (Паус нач. XVIII в., 44); «*Где рай, тому (таму) муки не бывает*» (Богд. 1741, 74); «*Кто где родился, там тому и рай*» (Ан. 1988, 148); «*Хоть в рай, хоть в муку — товарищи будут*» (Богд. 1741,

115); «*Быть тебе в раю, где горишки обжигают*» (ДП 1, 29; Ан. 1988, 33); «*И в раю жить тошно одному*» (ДП 1, 281; Тан. 1986, 64; Ан. 1988, 110); «*Лето-то от рая, а зима от муки*» (Мал. 2002, 3, 505). Такие пословицы отражают именно народное представление о библейской рае, иногда даже — скорее апокрифическое.

Конечно, некоторые из таких пословиц запечатлели и устаревшие принципы — ср. например, пословицу, оправдывающую телесное наказание, рукоприкладство при воспитании детей: «*Кого люблю, того и бью*» (ДП 1, 165, 291; Д 1, 89; Д 2, 282). Она, очевидно, связана с мыслью, неоднократно выраженной в Библии. Ср. «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына, а кто любит, тот с детства наказывает его» (Притч 13, 24); «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр 3, 19).

Пословицы, утратившие связь с библейским первоисточником и переосмысленные

Примером таких пословиц являются две популярные паремиологические идеологемы советского времени: *Кто ищет, то всегда найдет* и *Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет*. Результаты специальных опросов русскоязычных информантов трех поколений показали, что они воспринимаются именно как фоновые советские культурологемы.

Источником первой пословицы, дидактически призывающей целенаправленно стремиться к цели, многие назвали концовку припева «Песни о веселом ветре» И.О. Дунаевского на стихи В. Лебедева-Кумача из кинофильма «Дети капитана Гранта» (1937): «Кто привык за победу бороться, // С нами вместе пускай запоет: // „Кто весел — тот смеется, // Кто хочет — тот добьется, // *Кто ищет — тот всегда найдет*“». Ее истинный источник, однако, евангельский афоризм из Нагорной проповеди Иисуса: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Мф 7, 7, известный и в церковнославянской форме: «Просите, и дастся вамъ: ищите, и вбращаете: толцѣте, и вѣрзетсѣ вамъ». Церковнославянское вбращаете — форма 2-го лица мн. числа от глаг. *обряцѣти* (ср. *обрести* ‘найти’).

Контекстные иллюстрации, зафиксированные нами в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» (Берков, Мокиенко, Шулежкова, 2008: 547), убедительно свидетельствуют о «советском» восприятии этой евангельской сентенции:

«Недаром все-таки говорится: «*Кто ищет, тот всегда найдет*». Я подумал именно об этом, когда в уютном домике в долине под Зальцбургом раскрыл папки, содержащие личный архив принца» (Л. Безыменский. Разгаданные загадки 3-го рейха).

«Значит, только ленивый не найдет ваших информационных изданий? — Я бы ответил так: „*Кто ищет, тот всегда найдет*“» (Радиопрограмма «Микрофорум», 14.03.1988);

«Наивно объяснять пренебрежение реальностью лишь личными качествами пишущих. Оно — дитя особой философии, для которой желание,

воля — высший аргумент. Как пели в середине тридцатых: „*Кто ищет, тот всегда найдет!*“ Простая мысль, что найдешь отнюдь не всегда, а можно и потерять, что успех поисков зависит не только от усердия ищущих, но и от объективной действительности, долго считалась крамольной» (Книжное обозрение, 26.02.1988);

«Сведущие люди-детективы сказали мне, что <...> любителей ночных развлечений можно разыскать... и с помощью компьютера. Это тебе не журнальчик с верхней полки достать <...> так что судите сами. Если верить другой нашей песне, то „*кто ищет, тот всегда найдет...*“ (А. Куприянов. Ты их — в дверь, они — в окно... // Комсомольская правда, 10.11.1990).

Еще более целенаправленную идеологизацию претерпела в советское время фраза Иисуса Христа «*Взявшие меч, мечом погибнут*». С этими словами он обратился к тому «из бывших с ним», кто «извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо» тогда, когда его брали под стражу в Гефсиманском саду (Мф 26, 51–52). Большинство же опрошенных нами информантов трех поколений называли источником этой финальную цитату фильма «Александр Невский» по сценарию П.А. Павленко (1938), где главный герой произносит эти слова, которых нет в его жизнеописании.

Большинство иллюстративных контекстов (Берков, Мокиенко, Шулежкова, 2008: 551) воспроизводит эту пословицу в двух актуальных значениях, созвучных патриотической идее советского фильма — «Напавший на Россию будет поражен» и «Всякий, кто применяет насилие, будет наказан насилием».

1. «Глядя на поверженные вражеские боевые знамена, я невольно вспоминал вещие слова славного победителя немецких „псов-рыцарей“ Александра Невского: „*Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет!*“». Так было, так будет всегда! И пусть сокрушительный разгром фашистских полчищ в Великой Отечественной войне послужит уроком для тех, кто все еще не уразумел эту истину» (Из воспоминаний Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна // Собеседник, № 19, 1985);

«Никогда не покорятся русский, украинский, белорусский народы завоевателям. Кто пришел на русскую землю с мечом, от меча и погибнет» (Д. Заславский. Фельетоны);

«*Кто с мечом к нам придет...*» (Подборка материалов о Великой Отечественной войне // Советская культура, 26.01.1985).

2. «Бабушки решили оставить тебя в покое? — хихикнула я. — Нет, — буркнул Женька, — я побил их тем же оружием. — Это как? — изумилась я. — А на похоронах подошел к каждой и мило поинтересовался: „Ах, когда же вы станете следующей!“ — рявкнул Женька. — Очень хорошо помогло, мигом охоту приставать потеряли. Имей в виду: *кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет...*» (Д. Донцова. Микстура от косоглазия);

«[Заголовки:] *Кто с мячом к нам придет — от мяча и погибнет*. „Предсказание“ исхода матча между сборной России и Шотландии в чемпионате Европы» (Комсомольская правда, 29.03.1995). «*Кто к нам с мечом придет, тот его растаможит*. Статья, посвященная Дню таможенника в России»

(Комсомольская правда, 25.10.1995); *«Кто к нам с мячом придет, тот по шайбе и получит!* Объявление о шуточном конкурсе на лучшее четверостишие, посвященное футбольному чемпионату» (Комсомольская правда, 07.07.2002).

Близкая судьба — и у пословицы *«Кто не работает, тот не ест»*, ставшей одним из девизов социалистической идеологии. Ср. цитату В.И. Ленина из статьи «О голоде» (1918): *«Кто не работает, тот да не ест — это понятно всякому трудящемуся»*⁴³. Тем не менее, она прямо восходит к Евангелию: *«Ибо, когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»* (2 Фес 3, 10).

Индивидуально-авторские преобразования пословиц библейского происхождения

Актуальность функционирования библейской паремиологии в русском языке зависит прежде всего от частотности ее употребления как в живой речи, так и в классических и современных текстах. На такую частотность в какой-то степени влияет и различие трех «уровней прецедентности» высокого, среднего и минимального, подобных такому различию для мифонимов, отражающих индивидуально-авторскую картину мира в стихотворениях И.А. Бунина (Селеменова, 2024). Узнаваемость источника библейской паремии, популярность ее образа и символики «вдохновляют» писателей, поэтов и журналистов на творческие преобразования таких пословиц.

Один из характерных примеров такой паремиологической креативности — судьба библейского афоризма *«Не мечите бисера перед свиньями, да не попрут его ногами»*, который стал книжной пословицей и обычно употребляется иронически как рекомендация не тратить слов для убеждения, доказательства или разъяснения чего-л. тем, кто этого не понимает или не может понять. Источник пословицы — церковнославянский текст Нового завета: *«Не дадите ꙗкоже ꙗкоже ꙗкоже, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свинѣми, да не поперутъ ихъ ногами своими»* (в русск. переводе: Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими...) (Мф 7, 6).

В русском языке эта книжная пословица стала популярна благодаря ее употреблению в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» (1782): «Кутейкин: Подавал я в консисторию челобитье <...> На что и милостивая резолюция вскоре воспоследовала с отметкою: „Такого-то де семинариста от всякого учения уволить: писано бо есть — *не мечите бисера перед свиньями, да не попрут его ногами*“» (д. 2, явл. 5).

Яркий и прозрачный образ этой пословицы не только обеспечил ее популярность, но и дал мощный импульс разнообразным индивидуально-авторским трансформациям. На ее основе была создана поговорка (resp.

⁴³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М. : Изд-во политической литературы, 1974. С. 357.

фразеологизм) «метать (рассыпать) бисер перед свиньями», затем слово *свинья* стало заменяться соответствующими существительными или местоимениями и поговорка обрела значение ‘говорить, рассуждать о чем-л., что не способны или не желают понять слушатели’:

«Мишель, ты забыл заповедь Спасителя: *не мечите бисера перед свиньями*, ты забыл, что все святое в жизни должно быть тайною для профанов» (В.Г. Белинский. Письмо М.А. Бакунину, 01.11.1837);

«Поживи пока у меня, а там, может, и подвернется что-нибудь. Не жалей, что ушел от хозяина. Да и *бисер перед свиньями метал* зря» (И.И. Козлов. Ни время, ни расстояние);

«Иона обвел всех сердитым внимательным взглядом, как будто желая удостовериться, действительно ли способен окружающий его народ проникнуться серьезностью его чтения и не унижится ли он, Иона, до *метания бисера перед свиньями*» (Н.Н. Златовратский. Устои);

«Смейтесь, дядюшка; вы правы; я виноват один. Поверить людям, искать симпатии в ком? *рассыпать бисер* перед кем?» (И. Гончаров. Обыкновенная история).

В нашем словаре «Фразеологизмы в русской речи» (Мелерович, Мокиенко, 2005: 74–75) мы сделали попытки систематизировать индивидуально-авторские трансформации этого библейского выражения. Типология их выглядит следующим образом.

I. Структурные преобразования:

НАПРАСНО МЕТАТЬ БИСЕР ПЕРЕД СВИНЬЯМИ — расширение компонентного состава;

МЕТАТЬ БИСЕР ПЕРЕД ПУБЛИКОЙ — замена компонента;

НЕ МЕТАТЬ БИСЕРА ПЕРЕД РЕПЕТИЛОВЫМИ — замена компонента;

РАССЫПАТЬ ЧЕХОВСКИЙ ЖЕМЧУГ ПЕРЕД ПУБЛИКОЙ — замена компонента + расширение компонентного состава;

НЕ МЕТАТЬ БИСЕРА ПЕРЕД СВИНЬЕЙ, ХОТЯ БЫ И УЧЕНОЙ. *Ирон.* — расширение компонентного состава фразеологической единицы (внутренняя морфологическая трансформация);

МЕТАТЬ СВОЙ ГНЕВ *перед кем* — замена компонента.

II. Трансформации, основанные на вычленении ключевого компонента:

МЕТАТЬ БИСЕР — эллипсис;

НЕ МЕТАТЬ БИСЕРА — эллипсис.

III. Окказиональные фразеологические единицы:

ЩЕДРОЕ РАССЫПАНИЕ ЮМОРА. БИСЕР ПЕРЕД СВИНЬЯМИ.

IV. Семантические трансформации:

РАССЫПАТЬ СВОЙ БИСЕР *перед кем*. Стараться показать себя с наилучшей стороны перед кем-л., с чьим мнением считаются, придают ему большое значение.

Важна и грамматическая ипостась этого библейского выражения. В повелительном наклонении оно является интернационализмом, но отрыв от

«цитатности» и его широкое употребление в изыскательном наклонении свидетельствует о самостоятельной адаптации этого интернационализма в русском языке.

Показательно, что на русской почве этот фразеологизм обрел и особые творческие потенции в поэтическом дискурсе. Так, в стихотворении А. Гитовича «В землянках» расширение компонентного состава порождает внутреннюю морфологическую трансформацию, создавая иронический эффект:

«Пусть спрашивает — Бог ему судья,
А бисера метать не буду я
Перед свиньей, хотя бы и ученой».

А в стихотворении И. Лиснянской «Все, что мной пережито, — рассказано» *бисер* противопоставляется слезам:

«Все, что мной пережито, — рассказано.
Слезы — это не бисер метать.
И, людскую насмешкой наказана,
Я в глухую ушла благодать...»

«Молний с бисером щедрый метатель и нетронутый бисер Свинопа — это уже поэтические загадки, требующие специальной расшифровки» (Мелерович, Мокиенко, Якимов, 2016: 66–68). Загадки, свидетельствующие о глубоком укоренении библейской сентенции о бисере в русском языке и его понятной читателям метафорике.

Заключение

Как показывает лингвистический и лингвокультурологический анализ, наследие Библии в русском языке — не просто сакральная реликвия, но и динамически развивающаяся часть общей языковой системы, в т.ч. и системы паремиологической. Основу ее составляют паремиологические тождества, т.е. точно воспроизведенные сентенции Священного Писания. Немалая часть таких сентенций в процессе употребления в нашем литературном языке претерпевает по сравнению с первоисточником семантическое преобразование, что способствует их еще большей, так сказать, «русификации». Следующий этап языковой адаптации пословиц-библейзмов — их структурно-семантическое преобразование по сравнению с первоисточником. Такое варьирование не нарушает ни исходного сакрального смысла библейзмов, ни их обобщенного языкового колорита. Дальнейший процесс усвоения таких паремий приводит к созданию русских народных пословиц на основе библейской мудрости и символики. Некоторые пословицы-библейзмы в силу разных причин (особенно — идеологических) могут утрачивать связь с первоисточником и претерпевать переосмысление разных уровней — вплоть до кардинального идеологического переосмысления. Вершиной же языковой адаптации пословиц библейского происхождения можно считать творческие индивидуально-авторские преобразования, становящиеся национальным достоянием и одновременно — объектом непереводаемого в переводе.

Список литературы

- Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М. : Русские словари, Астрель, АСТ, 2000. 624 с. EDN: SCWQKL
- Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : в 2 томах. Т. 1: А–М / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. 658 с. EDN: SEPXJF
- Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : в 2 томах. Т. 2: Н–Я / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. 656 с. EDN: SFCQMB
- Дубровина К.Н.* Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М. : Флинта : Наука, 2010. 808 с. EDN: UXHMNT
- Иванов Е.Е., Маслова В.А., Мокиенко В.М.* Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. М. : РУДН, 2022. 496 с. EDN: NGYGGG
- Колесов В.В.* Нарушения стиля и разрушение смысла в современных переводах Библейских текстов // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. К 80-летию Русской / Северо-Западной Библейской Комиссии (1915–1995). СПб. : Петрополис, 1995. С. 81–105.
- Лилич Г.А., Мокиенко В.М., Трофимкина О.И.* Толковый словарь библейских выражений и слов. М. : АСТ : Астрель, 2010. 639 с.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М. : Русские словари, Астрель, 2005. 855 с.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е.* Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии / под. ред. В.М. Мокиенко. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. 528 с.
- Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М. : Высшая школа, 1989. 287 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с. EDN: XDHZUV
- Николаюк Н.* Библейское слово в нашей речи. Словарь-справочник. СПб. : Светлячок, 1998. 447 с.
- Селеменова О.А.* Текстовые связи мифонимов в поэзии И.А. Бунина // Русистика. 2024. Т. 22. № 1. С. 103–116. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-1-103-116> EDN: QGHWWM
- Сирот И.М.* Параллели. Библейские тексты и отражение их в изречениях русской народной мудрости. Вып. 1. Одесса, 1897. 117 с.
- Шулежкова С.Г.* От земли обетованной к небесам обетованным (очерки о судьбах библейских крылатых выражений). М. : Флинта : Наука, 2013. 260 с. EDN: SBMMZV

Сведения об авторе:

Мокиенко Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11. Почетный председатель Комиссии по славянской фразеологии при Международном комитете славистов; действительный член Европейского общества фразеологов «EUROPHRAS». *Сфера научных интересов*: русистика, славистика, сопоставительная лингвистика, фразеология, лексикография. Автор более 1300 публикаций в области лингвистики. ORCID: 0000-0002-0264-0576. SPIN-код: 10804012. Scopus ID: 55676245400. E-mail: mokienko40@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-3-461-481

EDN: XSARWQ

Research article

Proverbs of Biblical origin: from a single source to linguistic diversity

Valery M. Mokienko

Saint Petersburg State University, *Saint Petersburg, Russian Federation*
mokienko40@mail.ru

Abstract. The study analyzes Russian proverbs of biblical origin in their diverse semantic and structural connections with their original source. The relevance of the research is determined by the insufficient attention to the Bible heritage as a dynamically developing part of the general language system, including the paremiological system. The aim of the study is to identify and differentiate in the modern Russian literary language the structural and semantic dynamics of paremiological units that originate from biblical texts. The materials for the study were dictionaries of biblical phraseological units, paremiological dictionaries, as well as Russian National Corpus (subcorpora: main, newspaper, poetic, Russian classics). The methods of structural-semantic modeling, contextual analysis, historical-etymological analysis, linguistic-cultural analysis were used. The author examined the functioning of the following groups of phraseological units: 1) paremiological identities; 2) proverbs which have undergone semantic transformation in comparison with their source; 3) proverbs which have undergone structural-semantic transformation in comparison with their source; 4) folk proverbs based on biblical wisdom; 5) proverbs that have lost their connection with their biblical source and have been reinterpreted; 6) individual-author transformations of proverbs of biblical origin. The study shows the degree of such changes. Basic are paremiological identities, i.e. accurately reproduced maxims of the Holy Scripture. The next stage of linguistic adaptation of biblical proverbs is their structural-semantic transformation in comparison with their source, which does not violate neither the original sacred meaning of biblical expressions, nor their generalized linguistic coloring. The further stage of assimilation results in Russian folk proverbs based on biblical wisdom and symbolism. Some biblical proverbs due to different reasons (especially ideological) can lose their connection with the source and be reinterpreted at different levels, sometimes cardinal ideological reinterpretation. The final stage of linguistic adaptation of biblical proverbs is creative individual-author transformations, which become “national property” and the object of “untranslatable in translation”.

Key words: Bible, biblical units, Russian language, paremiology, semantics, structure, transformation

Funding. The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 23-18-00252, <https://rscf.ru/project/23-18-00252/>

Conflict of interests. The author declares that they have no conflict of interests.

Article history: received 16.02.2025; accepted 18.04.2025.

For citation: Mokienko, V.M. (2025). Proverbs of Biblical origin: From a single source to linguistic diversity. *Russian Language Studies*, 23(3), 461–481. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-3-461-481>